

Век, потерянный Россией

Размышления над книгой: **Вычугжанин А., Мизгулин Д.**
Деньги, банки, перо. – Тюмень: Издательский дом «Титул»,
2015. – 828 с.

Каюсь, приступал к чтению 800-страничного тома скорее потому, что знал прежние интересные книги Александра Вычугжанина. Уж очень давно, полтора-два века назад, жили и творили герои новой книги. Но чем дальше читал, тем неохотнее отрывался. Литераторы-банкиры написали о своих коллегах литераторах-банкирах, и это совместительство занятий само по себе необычно. Александр Вычугжанин – банкир в недавнем прошлом, кандидат экономических и доктор исторических наук, автор и руководитель культурно-исторического проекта «Тюмень. Сквозь глубину веков». А Дмитрий Мизгулин и сегодня – президент, председатель совета директоров «Ханты-Мансийского банка «Открытие»», академик РАН, но кроме того – и автор более чем двух десятков поэтических сборников, член Союза писателей России. Оба автора свыше двадцати лет успешно проработали в банковской сфере.

Ну, а герои 14 очерков – один другого именитее, и не только как литераторы. Гаврила Державин, например, после двойного губернаторства был первым министром юстиции России. Илья Чавчавадзе – поэт, издатель, банкир, общественный деятель, член Госсовета империи, которого на родине называют «Отцом нации», в 1987 г. он канонизирован Грузинской православной церковью как святой Илья Праведный.

У читателей может возникнуть вопрос: зачем авторы отправились в глубь веков? Кому, кроме филологов и историков литературы, интересны пииты, чьи творения, вроде державинской «Фелицы», когда-то «проходили» в школе? Но в книге, помимо массы интереснейших биографических деталей, впервые столь полно представлены жизнь и деятельность А.А. Голенищева-Кутузова и – на русском языке – И.Г. Чавчавадзе. Прежде никто не писал и о банковской деятельности И.С. Аксакова, В.Г. Бенедиктова, Г.П. Гагарина, П.А. Вяземского, того же А.А. Голенищева-Кутузова, П.А. Ефремова.

И всё же главное, по крайней мере, для меня: книга эта – не только про отдельные фигуры, какими бы значительными они ни были. Дойдя до последних страниц, я понял, что авторы, желая того или

нет, представили коллективный портрет элиты той России, и невольно напрашивается её сравнение с элитой нынешней. Прежде всего, бросается в глаза моральный императив, с которым герои книги соизмеряют и литературную, и общественную деятельность. «Честен, как Аксаков» – эта характеристика долгое время была нравственным мерилем среди деятелей их круга. Поэт Иван Михайлович Долгоруков, в послужном списке которого безупречная служба вице-губернатором в Пензе, в Главной соляной конторе в Москве и губернатором во Владимире, где он особо покровительствовал образованию, «имел явные способности управлять финансами». Кстати, предки поэта с воцарением Анны Иоанновны по иронии судьбы угодили в тот же острог в Березове, куда их стараниями прежде попал Меншиков.

Почти ничего не знал я о Федоре Чижове. А он остался в истории России не только талантливым публицистом, но и строителем первых частных железных дорог, а также организатором товарищества Архангельско-Мурманского срочного пароходства по Белому морю и Северному Ледовитому океану. Идея Севморпути, среди прочих, привлекла московского и иркутского купца А.К. Трапезникова. Благополучно проведя в 1977 г. свой пароход с товарами из Лондона через Карское море в Тобольск, он в 1978 г. построил в Тюмени трехмачтовую шхуну «Сибирь» и отправил на ней в Лондон сало. Правда, другой поход – построенных Трапезниковым в той же Тюмени еще трех шхун – закончился неудачно, однако наблюдения купца, изданные брошюрой, очень помогли последователям.

Авторы не лепят из персонажей героев без сучка, без задоринки. Вот Петр Вяземский, уже в 15 лет блестяще образованный, поступает на службу в Московскую межевую канцелярию. Не в кресле сидит – мотается по губерниям. В 20 лет сражается с французами под Бородино и послужит Толстому прототипом Пьера Безухова в романе «Война и мир», а друг Пушкин увидит в нем черты Гринева. Но, грешник, проиграл князь в карты немалое наследство и поехал служить в Варшаву. Однако побочные страсти не отвлекали от главного: любой поворот жизни Вяземский использовал для творчества и общественного служения. В книге есть чрезвычайно важный и сегодня фрагмент «Записки князя Вяземского», опубликованной еще в начале XIX в., о том, какая промышленная политика нужна России: «Вопрос, что такой-то державе не лучше ли быть исключительно земледельческой, или исключительно мануфактурной – давно разрешен на деле... Во всяком случае сей вопрос не идет к России... Она переросла все мерки... Русский создан промышленником: он

переимчив и предприимчив». Однако и сегодня власти эту дилемму жуют-пережевывают бесконечно и бесполезно.

Вообще, стоит наложить жизнеописания друг на друга – получится синергия усилий героев на благо страны. Вряд ли я погрешу против истины, предположив парадоксальную вещь: эти выдающиеся литераторы заложили основы если не всей банковской системы, то уж наверняка её ведущих финансовых учреждений. Наиболее отчетливо их вклад прослеживается на истории основного в империи Государственного заемного банка, созданного Екатериной II в 1786 г. В 1799 г. его главным директором назначается князь Гаврила Петрович Гагарин. Одновременно с Заемным он возглавил и Вспомогательный банк (вскоре объединились), а также Коммерц-коллегию страны. Войны с Турцией и Швецией, а также злоупотребления бывшего руководства обременили банк долгами. Мало того, что при Гагарине дела существенно пошли в гору (в том числе с помощью невиданных в то время финансовых новаций князя), но одновременно Гаврила Петрович занимался, например, предполагаемым заселением юга Западной Сибири и другими, как нынче говорят, проектами.

Гагарина сменяет Александр Семенович Хвостов, который руководит банком до своей кончины в 1824 г. И он провел банк через сложный период – правительство регулярно занимало средства, готовясь к войне с Францией. Обеспокоенные вкладчики стали отзываться деньги, а многие заемщики не спешили их возвращать. Однако умудренный государственной и военной службой (в 27 лет в чине полковника под командованием Суворова отличился при взятии Измаила) Хвостов вывел показатели банка к положительной динамике.

В 1846–1853 годах Заемным банком управляет Петр Андреевич Вяземский. Кроме упомянутых выше, у него к тому времени в активе – должность товарища министра просвещения и главы цензурного ведомства, а также 20-летняя служба в Минфине, в том числе под руководством выдающегося министра графа Канкрин. Вяземскому тоже выпал суровый период: из-за неурожая многие помещики задерживали возврат ссуд. Хотя Вяземский писал, что «счета, бухгалтерия, цифры для меня тарбарская грамота», однако авторы приводят факты, показывающие, что князю удалось значительно увеличить прибыль. А в 1854 г. советником правления банка и его членом становится «выходец из колокольного дворянства» Владимир Григорьевич Бенедиктов.

Помимо Заемного, литераторы основали и руководили не менее значимыми для страны банками, в том числе – системными. А без здоровых финансов Россия в начале XX в. не получила бы

и эффективно развивающейся экономики. Международные эксперты писали тогда, что страна скоро будет доминировать в Европе, а Дмитрий Менделеев, не только выдающийся химик, но и прозорливый экономист, считал, что в середине XX столетия в России должно проживать около 300 млн, а к началу XXI в. — не 146,5 млн как сегодня, а около 600 млн человек. И жили бы мы в другой стране, не прерви её взлета революция 1917 г.

«Тема совмещения занятий финансовым делом и литературным творчеством не исследована. В чем причина феномена?» — задаются вопросом авторы книги. По их мнению, литераторы, обладающие огромной энергетикой, ищут дополнительные сферы её применения. Кажется, гипотеза не лишена оснований. Да, конечно, в те времена нравственное состояние общества оставляло желать лучшего. Авторы приводят запись из дневника мудрого цензора и члена этого литературного круга А.В. Никитенко: «Слова “честный человек” означают у нас простака, близкого к глупцу... Общественный разврат так велик, что понятия о чести, о справедливости считаются или слабодушием, или признаками романтической восторженности». Но если почти два века назад траектория выздоровления общества устремлялась вверх, то сегодня, на фоне исчезновения сотен миллиардов из банков, запись Никитенко звучит ещё актуальнее.

Авторы книги, упоминая нынешнюю вакханалию в банковской сфере, одну из причин видят в том, что скроена она «по лекалам либеральных учений XIX в.». В качестве альтернативы предлагаются кредитные кооперативы. Подозреваю, что идея связана с замечательной книгой Вычуганина «Церковь, деньги, кредит», выпущенной в 2014 г., где показана эффективность этих кооперативов. Между тем сами же авторы пишут, что их герои добивались успешной деятельности банков, в основе которых лежит именно либеральная модель.

Не будучи знатоком банковской системы, хочу напомнить о бурной дискуссии 1970 г. в «Литературной газете»: что важнее — система или личность? Завершилась она блестящей статьёй профессора Виктора Терещенко с говорящим названием «Ближе к крайностям — дальше от истины». Напомню, что его «Курс для высшего управленческого персонала» в 1970–1980-е годы был настольной книгой многих руководителей. А суть статьи ученого в том, что личность строит систему, которая, в свою очередь, влияет на личность. Диалектика! К тому же крайности — это и насаждение единственной модели в любой сфере хозяйства. Но система тем надежнее, чем разнообразнее размеры и модели её объектов. Другими словами, финансовая система,

а значит, и экономика нынешней России была бы куда как здоровее, если бы кредитные кооперативы действовали **вместе** с банками, а не **вместо** них. Однако об этих кооперативах власти, как и церковь, напрочь забыли.

Словом, книга заставляет не только ностальгировать о вкусном русском языке, каким написаны произведения её героев-литераторов, но и задуматься как минимум о веке, потерянном Россией из-за большевиков. Заканчивается она тремя приложениями. В первом — 80 фамилий литераторов, которые профессионально занимались финансами, в том числе — и в СССР. Из второго читатель узнает, что многие стихи семи героев книги положены на музыку. Наверное, романс на слова Петра Вяземского «Тройка мчится, тройка скачет» — самый известный. Третье приложение — антология произведений героев очерков — отражает предпочтения авторов книги, а также содержит вещи изрядно забытые или считающиеся утерянными.

Поражает огромный массив источников: архивы ГАРФ, РГИА, РГАЛИ, Пушкинского дома, отделов рукописей РГБ (Москва) и РНБ (СПб), библиотек РГБ и РНБ, музеев Абрамцево, Мураново, Остафьево, И. Г. Чавчавадзе в Грузии, а также коллекционные материалы — открытки, гравюры, газеты (в первую очередь англоязычные). Авторы ввели в научный оборот множество документов, которые будут полезны студентам, аспирантам и другим исследователям.

Хочется внимательно рассматривать гравюры из коллекции автографов, факсимиле документов, великолепные цветные вкладки. Среди иллюстраций — не только портреты, но и фотографии захоронений восьми героев книги, сделанные авторами. Обложка украшена рисунком Нины Казимовой (Санкт-Петербург), которую называют царицей русского экслибриса. Отмечу на втором форзаце и гравюру начала XIX в. «Река времен, или Эмблематическое изображение всемирной истории» — единственное украшение рабочего кабинета Державина в его доме на Фонтанке.

Нет, вовсе не нафталином веет от этой книги, она являет живой укор всем нам, пустившим по ветру интеллектуальное наследие талантливых предков.

И. ОГНЕВ, журналист, Нижний Новгород